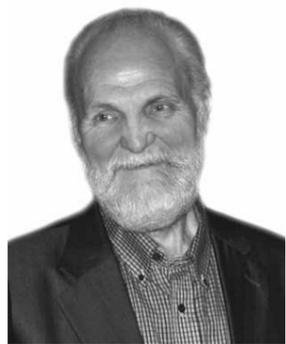

СОБЫТИЕ

Классик русской прозы

В Краснодаре в краевой научной библиотеке им. А. С. Пушкина прошла встреча с Владимиром Крупиным, признанным классиком русской прозы, первым лауреатом Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Патриаршая литературная премия учреждена Священным Синодом Русской православной церкви по инициативе Патриарха Кирилла – для поощрения писателей, «внесших существенный вклад в утверждение духовных и нравственных ценностей в жизни современного человека, семьи и общества, создавших высокохудожественные произведения, обогатившие русскую литературу». Вручая премию писателю, Патриарх Кирилл произнес: «Положение, в котором находится русская словесность, беспокоит Церковь. Ведь именно литература является тем источником, из которого молодежь питается интеллектуально и духовно. Слово, которое доходит до молодого человека, формирует будущее состояние нашего общества. И книга – это не просто какое-то количество страниц с текстом, это то, что впитывает человек в себя. Книга формирует наше сознание».

На встрече с краснодарцами Владимир Крупин рассказал о своих новых книгах, прочитал отрывки из рассказов, ответил на многочисленные вопросы.

Предлагаем нашим читателям ответ Владимира Крупина «Русской национальной линии».

Владимир Николаевич, вы являетесь одним из самых известных современных русских писателей. Когда вы решили стать писателем? Что вас на это подвигло?

Владимир Крупин: У меня сохранились детские дневники, читая которые, я вижу, что всегда хотел быть писателем. Мне было лет 12–13, и я до сих пор отлично помню момент, как ночью при звуках гимна я торжественно поклонился стать русским народным писателем. Этот момент потом я запечатлел в своем дневнике.

Я рос в большой семье. Пошел в школу с пяти лет, так как мне хотелось пойти в школу вместе со старшими детьми. Когда они пошли в школу, а меня туда не отпускали по малолетству, я долго ревел и таки вырвался себе право на образование. Окончил школу в 15 лет. Я писал стихи, влюблялся, но девочки меня за человека не считали. Сейчас я понимаю, что несчастья очень полезны для пишущего человека. Не было бы стихотворения Лермонтова «И кто-то камень положил в его протянутую руку», если бы его любили девушки. В общем, я с детства мечтал стать писателем. Конечно, были мысли о том, чтобы стать моряком, но все мы в детстве лазили по деревьям, думая, что это наши корабли. Но другой мечты у меня не было.

В 16 лет я уже работал в редакции газеты. До института два года проработал в газете, год – слесарем, фрезеровщиком, три года служил в армии. Мы вообще рано начинали работать. Когда я выходил на пенсию, у меня имелось 45 лет трудового стажа. И это было совершенно нормально для нас – работать с детства. А с наступлением летних каникул надо было впрягаться в тяжелый крестьянский труд: это и огород, и сенокос, дрова, уход за скотиной. Вообще у меня было счастливейшее детство, связанное с трудом. Лес, луга, друзья, чистота отношений, высочайшая нравственность. Ведь даже когда я провожал девушку и обмахивал ее букетом черемухи от комаров – это уже было величайшее счастье. Какая была чистота и сила чувств в те времена! И как сейчас глубоко оскорбляет хамское вторжение западных образцов поведения. Мерзость пришла в наши приделы.

Владимир Николаевич, расскажите, пожалуйста, о своей семье.

В. К.: Мне всегда было легко, поскольку моя семья была православная. Мои мама и отец были глубоко верующими людьми, в доме всегда была икона. Конечно, были в семье и пионеры, и комсомольцы, и коммунисты, все было, но всегда на Пасху были чистые рубашки, пусть и заштопанные, и крашеные яйца, за все мама говорила «слава Богу».

(Продолжение на стр. 2)

ПАНОРАМА

● Неделя детской и юношеской книги прошла на Кубани. По традиции в библиотеках, на сценических площадках выступили перед юными читателями писатели-кубанцы и литераторы, приглашенные из столиц: московский прозаик Ильдар Абузяров и питерские поэты Михаил Яснов и Сергей Яхотин.

● В конце марта гульткевичане отмечали юбилей замечательной поэтессы – Нины Никитичны Хрущ. Она стала желанной гостьей в библиотеках, школах и в музее города. Главное мероприятие состоялось 25 марта в ТО «Ладомир». В зрительном зале кинотеатра «Зодиак» собрались художники, поэты, фотографы и просто почитатели ее таланта. Мероприятие началось с показа видеоряда о жизненном пути Нины Хрущ, затем поэтесса прочла свои новые стихи.

Нина Никитична тонко чувствует музыку стиха, ее отличает собственный неповторимый поэтический почерк. Стихи легки, в них много движения и пространства. Поэзия давно стала для этой прекрасной женщины неотъемлемой и главной частью ее жизни, состоянием ее души. Каждое стихотворение зрители встречали громом аплодисментов и долго не отпускали их автора со сцены.

В этот день виновницу торжества поздравили: президент ТО «Ладомир» Иван Кротов, член союза писателей России Иван Дудин, руководитель секции художников ТО «Ладомир» Владимир Жеребилов, гости из Кропоткина и Армавира. Для именинницы звучали замечательные песни в исполнении учащегося строительного техникума Алексея Салагаева и участницы вокального кружка КДЦ «Лукоморье» Светланы Эммерих. Цветы, подарки и хорошее настроение царило в зале.

Ольга Захарченко,
завсектором отдела досуга
МАУК ЦДК «Зодиак»

● В Крымске и Тихорецке прошли презентации нового поэтического сборника Михаила Карасева «Забытый край», приуроченные к 75-летию автора. Михаил Анатольевич – яркий представитель своего поколения, потомственный казак, рассказал о своем творчестве и славной трудовой биографии, а трудиться ему пришлось и в жаркой Азии, и на Крайнем Севере. Именно там, в Магадане, по его словам, стал настоящим мужчиной и написал первые поэтические строки. Члены литературных объединений «Лель» и «Родник», редактор журнала «Мозаика Юга» В. Н. Богза тепло поздравили юбиляра.

● Поистине ударной для поэта Владимира Архипова выдалась неделя, посвященная Всемирному дню поэзии. С успехом прошли его встречи с читателями библиотеки им. Кузнецова и им. Чернышевского, а также в школе № 10 и лицее № 64 краевого центра. Всемирному дню поэзии было посвящено занятие городской детско-юношеской литературной студии «Вдохновение».

● 17 марта в каминном зале ЦК «Родина» г. Анапа состоялся творческий вечер, посвященный Всемирному дню поэзии. В качестве почетного гостя присутствовал член Союза писателей России, член-корреспондент Академии Поэзии, лауреат международных фестивалей искусств, автор книг и песенных альбомов Игорь Мухин. Поэт познакомил анапчан со своим творчеством.

Затем анапские авторы, члены литературно-художественных объединений «Парус» и «Авангард» читали свои произведения. В каминном зале царила чарующая поэтическая атмосфера, пронизанная любовью к словесному художественному творчеству.

Татьяна Филатова

● 23 марта Северский колледж культуры в читальном зале Центральной районной библиотеки провел поэтические «Встречи в саду». Режиссеру и ведущему, заслуженному работнику культуры Кубани Валерию Опитцу удалось не только самому с первых минут очаровать слушателей поэтическим словом, но и так подготовить принимающих участие в театрализованной программе учащихся колледжа, что каждое стихотворение было услышано, увидено и горячо воспринято присутствующими, о чем свидетельствовали подолгу не смолкавшие аплодисменты в зале.

Прозвучали стихи А. Блока, А. Ахматовой, Э. Асадова и приглашенной на поэтической свидание в саду» Нелли Василининой, прочитавшей цикл своих стихов.

Поэт, член Союза писателей Нелли Тимофеевна Василинина стала участницей и большого литературного праздника, посвященного Всемирному дню поэзии в Доме культуры ВОС г. Краснодара, где создатели отдела краевой библиотеки для слепых им. А. П. Чехова Ковалевой И. В. в увлекательной форме познакомили зрителей с поэзией Золотого века, Серебряного и современной.

● В Темрюке в межпоселенческой библиотеке прошла творческая встреча кубанских писателей, членов Союза писателей России, с читателями, литераторами, членами клуба «Орфей» и литературного объединения «Лукоморье». С. Н. Макарова, Н. Т. Василинина, Л. Д. Бирюк и В. А. Динька рассказали о себе, о своей творческой биографии и ответили на многочисленные вопросы. Состоялся содержательный разговор о нынешнем состоянии культуры и

литературы, о засилии иностранных слов и положении русского языка в современном обществе, о качестве телевизионных передач, адресованных нашим детям и молодому поколению.

Темрючане представили гостям свои творческие работы. Поэтому встреча с писателями получила продолжение в семинарских занятиях с начинающими поэтами и прозаиками. Несомненно, рекомендации, полученные в ходе занятий, помогут авторам в их развитии и совершенствовании.

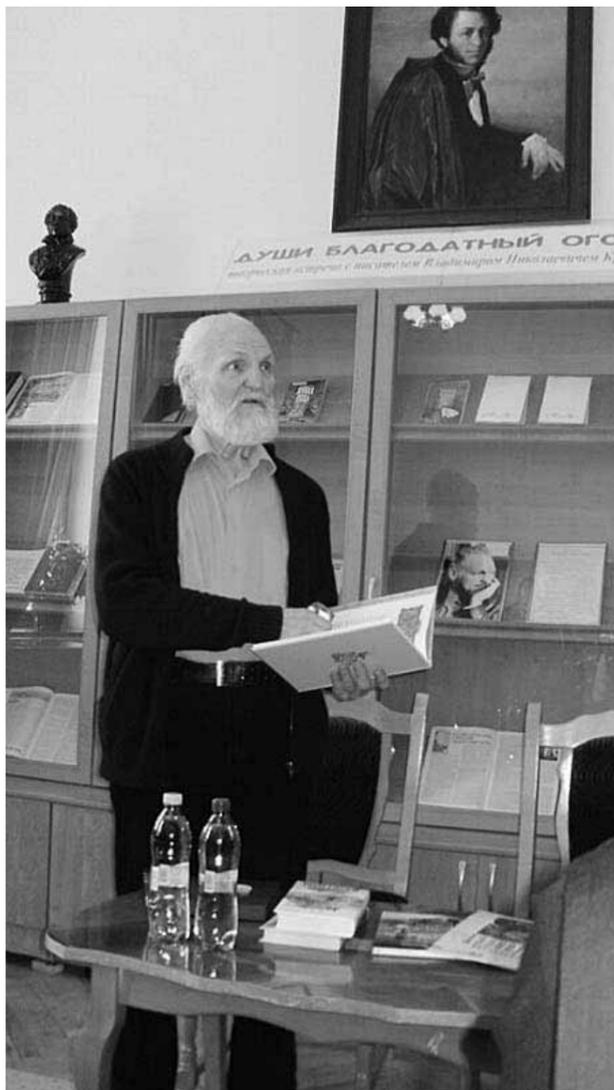
Нельзя не отметить работу библиотечкарей, радушно принявших гостей, подготовивших книжную выставку, где были представлены произведения и мастеров литературного слова, и начинающих. Большая работа по организации встречи проведена Л. И. Нацевич, членом краевого литературного объединения «Верность».

● В краевой научной библиотеке имени А. С. Пушкина прошел литературно-музыкальный праздник, посвященный Всемирному дню поэзии. В нем приняли участие члены Союза писателей России Владимир Архипов, Людмила Бирюк, Нелли Василинина, Вячеслав Динька, Светлана Макарова, Любовь Мирошникова, члены краевого литературного объединения «Верность». В исполнении хорового коллектива ветеранов Центрального округа г. Краснодара прозвучали песни на слова и музыку Владимира Акулова.

● Вечера памяти, посвященные 92-летию со дня рождения Кронида Александровича Обойщикова, прошли в краевой научной библиотеке им. А. С. Пушкина и краевом литературном музее в Краснодаре.

СОБЫТИЕ

Классик русской прозы

(Окончание. Начало на стр. 1)

Церковь у нас в селе закрыли и сделали из нее клуб. Сейчас мы ее восстанавливаем. Была на кладбище церковь, так ее сожгли и диакона посадили, а батюшку, отца Гавриила, который меня крестил, в драке искалечили, в результате чего он умер. А дедушку моего, отца мамы, посадили за то, что он в Пасху отказался работать. Он работал лоцманом, водил плоты по Вятке до Астрахани. А дедушку по отцу раскулачили и сослали в Нарымский край, предложили детям отказаться от него, а они были уже взрослые, комсомольцы, но они не отказались от него, и вся огромная семья поехала в Сибирь. У отца было десять сестер, и все они выучились, отец окончил техникум, а это по тем временам – как университет, сестры – кто педагогический, кто медицинский. Их потом послали на работу в Клайпеду, в Евпаторию, в Уфу, а теперь они стали оккупантами, вот в Евпатории приходит к ней татарин и говорит: «Уходи, а то зарежу, сожгу». Ну, это уже другая беда...

Как началась ваша самостоятельная жизнь?

В. К.: Огромное ликование было, когда нас привезли служить в Москву, мы гордились, что будем защищать Родину в Москве. В наше время, если парень не служил в армии, его девчонки браковали, так как не могли понять: как парень мог не служить в армии! Я писал в повести «Повестка», что я мог не служить в армии, я был активный юноша, член бюро райкома комсомола, меня выдвигали на должность секретаря райкома и от армии освобождали. Но как я мог не пойти в армию, если отец у меня воевал, оба брата служили? Для нас служба в армии была делом чести. Бывало в армии пойду в увольнение и обязательно зайду в храм. Я помню, с каким трепетом я входил в собор Василия Блаженного или в Богоявленский собор.

Мы учились в пединституте – это самый лучший институт в Москве, нынче университет. Там был Богоявленский собор, там же Пушкина крестили, это уже волновало всегда. Ну что говорить, если ухаживал за девушками, то вез их или в Сокольники, или в Коломенское. Меня всегда тянуло заниматься историей, я много писал о Москве, для телевидения написал сценарий об улицах Москвы. При ЦК ВЛКСМ была такая организация – «Спутник», которая занималась проведением экскурсий с деточками, которые приезжали из разных мест тогда еще огромной страны, и мы их водили по этим экскурсиям. Поэтому я Москву знал лучше многих москвичей. И то, что я женился на москвичке, вовсе не означает, что мне нужна была прописка. Эта прописка и так уже была у меня в кармане, потому что тогда институты, заводы, фабрики имели право выдавать прописки, им давали лимитную прописку. Я уже в аспирантуру пошел, но не защитился, потому что мы очень тяжело жили в коммуналке на окраине Москвы, в Люблино. Я работал, писал сценарий, зарабатывал на кооператив, потом издательство...

Моя первая книжка вышла поздно, когда мне было уже 33 года. Были разные периоды, были долгие периоды, когда меня не печатали. С 1991 по 2001 год не вышло ни одной моей книжки, поскольку господа-демократы меня очень «полюбили». Я написал несколько статей главному редактору журнала «Москва», у журнала был большой тираж. Написал статью «Глас вопиющего в пустыне» о гласности, о том, до чего христородавцы Россию довели, исследовал корни демократии – откуда она произошла. Я тогда отметил, что демократию изобрели демагоги по заданию плутократов. В общем, много писал такого, что нашим демократам не нравилось. Но эти времена забвения прошли, только в прошлом году вышло 12 или 14 книжек, в этом году уже четыре книжки вышло.

Присуждение мне первой Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия я воспринял как аванс, как то, что Господь меня отметил, но мне эту премию надо отработать. Вообще я был в писательском мире известен как человек, который всегда отказывается от всяких премий. В свое время я отказался от Толстовской премии, полностью разделяя убеждения святого праведного Иоанна Кронштадтского о Толстом. От всех других премий было уже гораздо легче отказываться.

Эта же премия духовно заряжена, она носит имена святых и имеет название «патриаршей».

Когда я служил на Северном флоте, проходили учения, и я стоял в капитанской рубке, мы заложили курс на Рыбачье, почувствовал, как огромное тело корабля, а это был эсминец, задрожало и пошло послушно командам. Я думаю, что тоже мог бы делать такую мужскую работу, защищать Отечество, а тут скребешь перышком... Но, видимо, писательский труд – это тоже духовная битва, и он также нужен.

Владимир Николаевич, а как вы оцениваете состояние нынешней русской художественной литературы, в частности, православной?

В. К.: Православная литература сейчас на подъеме, то, что тиражи маленькие, не должно нас смущать. Конечно, тут много причин: книги дорожают, тиражи падают, все это так, но причина того, что не читают художественную литературу, заключается еще и в том, что появилось много прекраснейших изданий святых отцов и наших консервативных философов. Это и Леонтьев, и Данилевский, Иоанн Лествичник, святители Тихон Задонский, Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник. Сейчас издается огромное количество духоносной литературы, нам есть что читать. Эта литература, конечно, оттянула к себе читателей. Это очень благотворный процесс. Как ни тужатся все эти «Букеры», ничего у них не получается и абсолютно ничего не получится, потому что люди-то чувствуют, где фальшь, а где подлинное содержание. То, что наша молодежь идет по пути вхождения в духовную литературу, – это очень хорошо. Другое дело, что они считают, что проскомидия и литургия – это одно и то же. Один журналист в своей статье написал: «Патриарх обратился к народу с акафистом», вероятно, считая, что акафист – это разновидность проповеди. Куда же с такими познаниями торопиться?

...Я был дружен с поэтом Юрием Кузнецовым, но он неготовым, несозревшим к духовной жизни вошел в эту тему, поэтому цикл его поэм «Детство Христа», «Юность Христа» и «Путь Христа» получились духовно слабыми. Может быть, чуточку лучше его переложение «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. Сейчас вышли два тома духовной поэзии русских поэтов, это очень хорошо, но мы видим, что по степени духовности мы пока отстаем. Не случайно ведь Ломоносов, Державин в конце жизни приходили к переложению псалмов. Этот путь проделают и наши поэты, у них ведь должно быть чутье собачье. С одной стороны, Православие требует жертвенности, потому что это не душевность. Душевно можно пива попить с другом на берегу речки, а духовность – это жертвенность, самоограничение, это путь нелегкий, но вместе с тем радостный.

Владимир Николаевич, не могли бы вы поделиться своими творческими планами?

В. К.: Я уже дожил до того возраста, когда творческие планы для меня уже роскошь. Об этом я могу только мечтать. Я живу послушанием. Я думаю что-то, а владыка Климент говорит, что надо написать книгу о Тихоне Калужском (Медынском).

ПАНОРАМА

ГЕРЦЕН И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

К 200-летию великого русского писателя

В рамках празднования 200-летнего юбилея великого русского мыслителя, писателя А. И. Герцена в библиотеке им. Н. А. Некрасова прошла презентация книги «Гармонии неясные черты...» члена регионального философского общества РАН профессора Н. А. Тер-Геворкян. Литературное наследие Герцена составляет более 30 объемистых томов, вместивших в себя романы, рассказы, публицистические и философские материалы, письма и дневники.

– И в этих тридцати томах я ищу ответ только на один-единственный вопрос: возможна ли семейная гармония, возможна ли вообще гармония отношений мужчины и

женщины, – рассказала кубанский философ присутствующим студентам. На примере личной и общественной жизни писателя Нелли Акоповна раскрывает пути решения проблем в такой сфере человеческой жизни, как семейные отношения.

«Какое тяжелое занятие – жизнь...» – с грустью признавался А. И. Герцен своему другу Н. П. Огареву. И был абсолютно прав. Чем гениальнее личность, тем сложнее ее жизнь. Книга Нелли Тер-Геворкян «Гармонии неясные черты...» открыла нам еще одну грань великого писателя, публициста, трибуна Александра Ивановича Герцена – человеческую. Чем определяется Человек? Отношением к другому человеку, а именно сердцевиной этих отношений являются отношения между мужчиной и женщиной. Как основу автор берет личную жизнь Герцена и его размышления о семейном счастье.

Герцен, напрочь отрицая традиции домостроя, был одним из первых, кто поднял вопрос о статусе женщины в обществе и в семейной жизни. «Женщина должна стать самостоятельной... она имеет право быть равной мужчине, а не его рабой», – писал он более ста лет назад. Он прекрасно понимал, что не может быть гармонии, семейного счастья там, где есть унижение, насилие, недоразвитие.

Герцен считал, что брак, семья в их истинном значении возможны только как союз свободных, равноправных личностей. Только в таком союзе и возможна гармония. Но жизнь семьи в постоянно меняющихся общественных реалиях, а также усложняющиеся внутрисемейные отношения, как результат развития личностей, – все это делает семью и брак очень сложным, легко ранимым, и часто дисгармоничным. Герцен вынужден был признать семейную жизнь «одной из труднейших задач... над которой бился целую жизнь». Позже он придет к выводу, что человек должен иметь ощущение точки опоры, и этой опорой в семейных отношениях должна быть дружба, которая достигается благодаря высокому самосознанию, выработанному путем кропотливой работы самим над собой, над своей душой. Именно дружба роднит супругов по духу. Это значит, что любой порыв между ними должен происходить не из общественно-этических норм, а идти изнутри души. Так, например, супруга должна быть возле прикованного к постели мужа не потому, что так надо, а потому что по-другому и невозможно, т. е. по ее личному убеждению. И еще Герцен считал, что гармония в семейной жизни может быть при условии, если супруги живут более широкими взглядами,

работая на благо общества, а не зацкливаются в узком семейном кругу. «Любовь не должна играть главную роль, а одну из главных ролей в жизни. Даже вообще все личное должно быть сбалансировано общим – иначе беда».

Идеи писателя являются огромным вкладом в понимании достижения гармонии семейных отношений. И сегодня в наш быстротечный, информационный век они особенно ценны.

В целом, философский труд Н. А. Тер-Геворкян о Любви в самом широком понимании этого слова. Благодарим автора книги «Гармонии неясные черты...», которая подарила читателям возможность узнать великого Герцена с семейно-личностной стороны, являющейся основой счастливых брачных отношений.

Необходимо отметить, что презентация проводилась для кубанских студентов, среди которых были и активисты литературной гостиной КубГТУ «Светлана».

– Эта книга актуальна и своевременна. Автор показала нам великого русского интеллигента не только в отношении его безграничной любви к родному Отечеству, семье, друзьям, но и в отношении к женщине. Ведь настоящий мужчина определяется отношением к женщине. Это слова самого Герцена, – сказала одна из студенток первого курса социально-гуманитарного факультета политехнического университета Наталья Шувалева.

Мира Гукасова,
член Союза журналистов России

ЮБИЛЕЙ

Долгие лета, «Сантал»!

Нельзя переоценить роль личности в истории. Еще раз убеждаюсь в этой прописной истине на примере директора художественной галереи «Сантал» Нины Антоновны Стрижовой.

Нина Антоновна из тех, на кого нельзя не обратить внимание. Высокая, стройная, с зелеными искрящимися глазами, она, на первый взгляд, по-женски романтична. Но, и в этом убеждаешься с первых минут знакомства, она не создана для созерцательности. Я не могу представить ее отдыхающей, прогуливающейся по парку-скверу, просто потому, что она не умеет шагать, она – летает. Вот и к нам в писательскую организацию, на второй этаж старинного особняка, она взлетела. И с ней вместе пришло множество идей и деловых предложений, которые вскоре реализовались. Потому что Нина Антоновна не бросает слов на ветер. В ее по-античному скроенной голове нет места фантазиям и утопиям.

Такова крестьянская закалка, полученная от родителей. А родилась будущая руководитель предприятия в Вышнем Волочке, в семье, в которой никто не умел отдыхать. Потому что жизнь в деревенской глубинке и сейчас далека от курортной, а уж в пятидесятых-шестидесятых работы хватало и для детей, и для взрослых. Но мало этого, родители, особенно мама Нины Антоновны, занимались общественной работой, она не могла стоять в стороне от общественных нужд. Имея такой пример перед глазами маленькая Нина усвоила с младых лет: «Раньше думай о Родине, а потом о себе».

Уехав из родительского дома, Нина приобрела мужскую профессию – инженер-геодезист. Десять лет работала геодезистом на строительных изысканиях в тресте «СевКавТИСИЗ», наравне с мужчинами, в полевых условиях, постигая тайны профессии и добывая хлеб насущный. Вместе с мужем она побывала в геодезической партии в Социалистической республике Вьетнам, это один из немногих примеров, когда за границу послали работать семейную пару геодезистов, ведь тогда, в 1979 году, во Вьетнаме шла война. Свое право находиться рядом с мужем пришлось доказывать в Москве, в министерстве, а потом работать в зоне военных действий, в закрытом поселении, где оставалась опасность всевозможных инфекций и политической нестабильности.

Вернувшись в Краснодар с 1982 года она работала инженером в Архитектурно-планировочном управлении города, накапливая опыт, постигая мир человеческих взаимоотношений. С 1989 года началась самостоятельная работа «без страховки» в малом предприятии начальником участка по ремонту подкрановых путей. Опять же порой и личным примером неистощимых физических сил приходилось вдохновлять мужчин-подчиненных. Но разрушительные процессы усиливались, и приходит понимание: чтобы выжить, необходимо начинать новое дело. Оно оказалось и неожиданным, и очень логичным одновременно, потому что Нина Антоновна Стрижова взялась решать проблему кубанских художников, к тому времени страдавших без багета, холстов и красок. Рамки для картин местные знаменитости и начинающие художники мастерили из досточек, штакетника и прочего подсобного материала. Вот тут и вспомнились Нине Антоновне родные места, ведь именно в Вышнем Волочке находилась единственная в стране багетная фабрика. А неподалеку творческая «Академическая дача» Союза художников России, куда школьницей вместе с одноклассниками приходила на экскурсию, затаив дыхание, рассматривала полотна, рождавшиеся на глазах изумленной детворы. И вот тот давний восторг перед чудом творческого воплощения окружающего мира, перед талантом мастеров, проснувшись в душе инженера-геодезиста, помог директору предприятия реализовать задуманное. Она не просто начала работать в новом для нее бизнесе, она всеми силами стремилась помочь художникам!

Уже с 1992 года машины с багетом приходили в Краснодар с Вышнего Волочка, а вот холсты и краски – из Питера. Опять же на личном контакте и убеждении руководителей Питерского художественного комбината Стрижова добилась стабильных поставок, необходимых ей для начала работы скидоч и отсрочек с платежами.

Общаясь с художниками, видя буйство красок и глубину образов, разве могло сердце Нины Антоновны не дрогнуть, не загореться идеей показывать шедевры на Юге России? Художественный салон, хозяйкой которого она стала, вскоре перерос в художественную галерею «Сантал». Выставки кубанских художников, организованные

Н. А. Стрижовой, с успехом проходили и в Законодательном собрании края, и в Доме офицеров, и в краснодарском краевом выставочном зале. А в январе 2005 года, в день святой Нины, открылся выставочный зал галереи «Сантал».

К этому времени относится наша встреча в писательской организации и дальнейшее сотрудничество, которое журналисты называли «Союз кисти и пера». Из этого союза родился общественный совет при краевой писательской организации, председателем которого стала Нина Антоновна, как следствие – родилась и окрепла наша газета «Кубанский писатель» и, конечно же, стали традиционными встречи на организуемых выставках в «Сантале» художников, поэтов и прозаиков Кубани и России. Значение подобных встреч трудно переоценить, ведь галерея на Красной становилась местом, где можно и показать новые работы, и обсудить творческие задумки, проблемы, познакомить публику с авторами литературных и художественных произведений. К тому же синтез столь ярких искусств, как литература и живопись, не мог не отозваться в сердцах посетителей выставок самым благотворным образом, ведь главным смыслом подобных мероприятий всегда было «сеять разумное доброе вечное», «величить Родину свою».

Нельзя не отметить, что именно патриотизм является главной линией в работе Нины Антоновны Стрижовой с творческими союзами. Только выставка фотохудожника Вячеслава Аванесяна «Защитнику Отечества» была представлена в самых разных выставочных залах и учебных заведениях Краснодара и края около пятидесяти раз. И я свидетель, как самые отъявленные хулиганы и самые шумные аудитории замолкали, и не скрывали слез молодые и

ветераны, видя фотосвидетельства чеченских и карабахских событий.

Всегда с особым чувством относится Нина Антоновна Стрижова к ветеранам. Частые гости галереи – ветераны Великой Отечественной войны, художники и писатели, защищавшие нашу Родину с оружием в руках. «Судьба поколений» – так называлась выставка художников Кубани, участников ВОВ, на которой прошла презентация книги И. Я. Коновалова «Победители», посвященная 60-летию Победы. «Немеркнущая слава», «Подвигу – 65 лет», «Память» – это не только выставки, альбомы, монографии, но и многочисленные лекции-встречи с детьми, молодежью,

о которых затем с интересом узнавали читатели газеты.

Персональные выставки ведущих художников Кубани Сергея Дудко, Алексея Паршкова, Владимира Андрющенко, Михаила Архангельского, Вячеслава Оноприенко, супругов Томилиных, Василия Монастырного, Григория Булгакова, Николая Райбаца, Юрия Пономаренко, Ирины Седовой и других стали событием в культурной жизни города.

Незабываемы тематические выставки, на которые директор галереи собирала картины со всего края: «Ушедших дней воспоминания», «Дарите женщинам цветы», «Зимушка-зима», «Парад цветов», «Очарование пейзажа», «Мужской портрет».

А вот выставки «Мир Кавказу», «Хлеб всему голова», «Гимн труду», «Поэзия ночи», «Поколение добровольцев» стали межрегиональными, в них участвовали кубанские и адыгейские художники.

Не могла не откликнуться галерея «Сантал» на юбилейные даты: 125-летие «Академической дачи» имени Репина и 100-летие Краснодарского художественного училища. Целый проект «Позови меня, тихая Родина», а это цикл выставок и юбилейных встреч – дань признательности Валдаю, много лет вдохновлявшему кубанских художников, побывавших на творческой даче, которая для многих стала школой высокого творчества. Юбилею Краснодарского училища посвящен грандиозный выставочно-просветительский проект «Память», включивший ряд выставок, издание буклетов. Лучшие имена выпускников училища разных лет были представлены в серии персональных выставок 2011 года.

«Мы уделяем большое внимание издательским проектам, – рассказывает Нина Антоновна, – поэтому постоянно выпускаем не только буклеты, но и журналы, книги и даже фильмы. Надежда и Петр Пашенко уже сняли фильмы: «Тихая родина» об Академической даче им. И. Е. Репина, «Гимн труду» о художнике Геннадии Ключкине, «Верен себе и эпохе» о Григории Булгакове, «Поколение добровольцев» о Петре Филиппенко. В работе фильма о поэте Крониде Обойщикове, художниках Михаиле Архангельском и В. М. Мехеде. А в юбилейный год Победы прошла презентация, и наши ветераны получили в подарок календарь-каталог «Подвигу 65 лет» и «Немеркнущая слава».

Перечисляя главные события в жизни галереи «Сантал», инициированные ее директором Ниной Антоновной Стрижовой, не могу не сказать, что за эти годы художественная галерея стала и центром литературной жизни. Презентации книг, творческие встречи, юбилеи, литературные праздники проходили вместе с выставками художников. Ведущие литераторы Кубани и России оставили свои восторженные отзывы о работе галереи, о дружеской творческой атмосфере, созданной хозяйкой.

Конечно, чтобы стоять во главе подобного начинания, чтобы руководить работой галереи, осуществлять творческие проекты, создавать выставки, формировать культурное пространство, насыщенное высокими духовно-нравственными идеями, отвечающее самым взыскательным профессиональным требованиям, мало быть хорошим организатором и широко образованным человеком. Необходимы врожденный вкус и художественный талант, позволяющие увидеть прекрасное. Необходима твердая гражданская позиция. Необходимо чуткое доброе сердце, способное на долгий подвижнический труд на благо Отечества. Я не могу назвать ни одного другого имени из ряда руководителей предприятий, бизнесменов, кроме директора художественной галереи «Сантал» Н. А. Стрижовой, кто имел бы набор перечисленных качеств и стремление помочь отечественной культуре.

Низкий поклон Вам, Нина Антоновна! И долгие лета!

С. Н. Макарова

учителями школ и вузов, документальные фильмы, созданные на собственные средства. С дочерним чувством и великой заботой встречала директор галереи и Виталия Сидорова, и Григория Булгакова, Василия Бирюкова, Ивана Коновалова, и Кронида Обойщикова, и многих-многих других ветеранов. Каждая встреча запечатлена на фотографиях, где рядом с художниками и поэтами сияют юные лица школьников и студентов. Ныне эти фото – историческая ценность, нет уже в живых Героев Кубани Обойщикова и Булгакова, ушли из жизни заслуженный художник России В. И. Сидоров, В. И. Бирюков, А. Шинкаренко.

Темы для новых и новых выставок Нина Антоновна, как она признается, берет из жизни, никогда не испытывая дефицита идей, главное – реализовать задуманное.

И впервые в галерее «Сантал» на фоне выставки осенних кубанских пейзажей прошла встреча с московским литератором Алексеем Шороховым, а затем там были представлены и другие столичные писатели Василий Дворцов, Надежда Мирошниченко, Сергей Шаргунов, дагестанская поэтесса Мариям Шейхова. И были организованы уроки кубановедения, посвященные творчеству актрисы, нашей землячки, а в декабре 2005 открыта мемориальная комната звезды немого кино Ирины Володки, прошли мероприятия к столетию актрисы.

И впервые на сцене Муниципального органо-зала была представлена литературно-музыкально-художественная программа «Три возраста любви» с участием кубанских поэтов и выставкой женских портретов, которая не состоялась бы без поддержки галереи «Сантал».

И начались выставки художников в редакции газеты «Вечерний Краснодар»,

ГОЛОСА РОССИИ

* * *

О. К. Мирошниченко-Кулагинной

Мама, язык, на котором ты пела мне
песни
И на котором я жизни училась в полете,
Кто-то пытается сделать лакеем
поместий
Или, точнее еще, языком подворотен.
Мама, а наша история ложью сокрыта.
Чтобы народ позабыл свое русское имя.
Слышишь, как в шорохе сотен чужих
алфавитов,
Мы постепенно становимся сами другими.
Мама, а нынче взяли за английский,
а то на работу
Могут не взять. И китайский все учат в
нагрузку.
Мама, а мне вот не хочется стать
полиглотом,
Я бы весь мир говорить научила
по-русски.
Мама, ты спи, моя мама, закрой свои
глазки.
Видишь, уж ночь паутинкою белой
повисла.
Мама, зачем ты читала мне русские
сказки?
Я никогда не забуду их вещего смысла.

* * *

А у смеха два лица –
Доброе и злое.
А колечку нет конца.
А любви – отбоя.
А меня перешути,
Если не сорвешься.
Я считаю до пяти.
Ну, ты как? Сдаешься?
А родная сторона,
Как чужая, глядь-ка:
В огороде бузина,
А в Киеве дядька.
А в Чугуеве отца
Вечная могила.
Я бы дядьку-подлеца
Розгой отходила.
А у счастья края нет,
Как не ошибиться?
Как узнаешь, сколько лет
Будет счастье длиться?

Надежда Александровна
МИРОШНИЧЕНКО

А у смеха два лица,
Но одно у горя.
А колечку нет конца.
А любви отбоя.

ЗАЩИЩАЙТЕСЬ!

Защищайтесь: вы пропали.
Что кольчуга и броня?
Вы зачем поцеловали
Сумасшедшую меня?
Вы зачем мне подарили
Эти белые цветы?
Вы зачем мне говорили
Столько доброй ерунды?
Не отдам я вас ни другу,
Ни подруге, ни врагу.
Обреку себя на муку,
Но и вас не сберегу.
Вы же сами захотели,
Чтобы солнце – на двоих,
Чтобы птицами взлетели
Руки тонкие мои.
Больше нет моей гордыни.
Вы свели меня с ума.
Защищайтесь. Я отныне
Беззащитная сама.

* * *

Когда ты был еще чужим,
А я еще росла,
Ты Расскажи мне, как ты жил?
Чем жизнь твоя была?
В степи от засухи седой,
Где речка чуть течет,
О чем мечтал ты, мальчик мой,
Невстреченный еще?
Какие говорил слова
Тому, кого любил?
Кого впервые целовал?
Кого сейчас забыл?
Ты каждой тропке поклонись
И женщине любой
За то, что помогли они
Нам встретиться с тобой.

РУССКИЙ ВЕК

Он русским назван наш двадцатый век.
По злему наущенью иноземцев
Уничтожался русский человек
Под разговор о гибели туземцев.
Нас вырывали из родной земли.
И родовые гнезда опустели.
Мы Воркуту и Магадан прошли
И целину, как бездну, одолели.
Мы сердца не жалели своего,
Деля горбушку с сыром и убогим.
Не потеряв в дороге никого,
Мы русским не оставили дороги.
Ко всем, кто предал нас и не помог,
Кто ничего без нас не одолеет,
Кто ни одной границы не сберег,
Кто проклял русских. А теперь жалеет.
Ко всем, кто ищет истину в вине,
Хотя она, давно понятно, в Боге.
Кто столько лет печется о Стране,
Что потеряет Родину в итоге.
И к нам самим, о русский мой народ,
Мой неумолчный глас под небесами:
Никто и никогда нас не спасет.
Спасти себя мы можем только сами.

* * *

И зачем я, хмурая волчица,
Падчерица вьюжных рубежей,
В южные заглядываю лица,
В полночь глаз, в ошибки падежей.
Мне по сердцу кислая брусника,
Стынь дороги, бешенство огня.
А сию вот смиренная. Поди-ка,
Сглазили, строптивую, меня.

* * *

Сыну Сергею

То ли в детстве – огонь,
То ли в юности – пламя,
То ли в зрелости – слово и честь,
Но мне кажется, что прорастет куполами
Все, что лучшего было и есть.
А еще говорили: живут бестолково!
А когда оглядишься окрест:
Что ни поле – то Пулковое да Куликово.

Что ни путь – то звезда или крест.
Эта русая прядь, эта вольная воля,
Этих глаз незабудковый цвет...
А когда обернешься... пригрезилось что ли?
Всюду мрак, а мерещится: Свет.
А мерещится: рожь на полях колосится.
Красна девица воду несет.
Серый волк звездным оком на землю
косится.

Добрый молодец диво пасет.
То ли в детстве – тоска,
То ли в юности – мука.
То ли в зрелости – избранность встреч...
Что ни радость, то боль, что ни дом, то –
разлука.
Что ни память, то – Русская Речь.

* * *

Я даже не думала, что захочу
Увидеть тебя напоследок.
Чего ж куропаткою белой лечу
По этому талому следу.
И красные капли брусники клюю.
И белые крылья мараю.
А как я любила улыбку твою,
Я даже сейчас замираю.
Ну вот и остались уже позади
Серебряный бор и болота.
И я говорю тебе: не подходи.
Мне видеть тебя неохота.
Ты белые перья погладишь рукой,
Склоняясь все ближе и ближе.
«Как жалко: ты раньше была не такой!»
Но я тебя больше не слышу.

* * *

Только уеду, как сразу весна начинается.
Только приеду, на голову валится снег.
Как надо мною мой Север светло
издевается,
Словно пытается характер на «есть» или
«нет».
Только застыну, как доктор
в предчувствии вызова,
Сразу отбой: «Извините...» – и дальше –
молчок.
Только прикину: судьба начинается
сызнова.
Память таращится – личико на кулачок.
Только приду, говорят:
«Уходить уже подано!»
Жизнь моя, веточка, весточка, величина,
Ты не жалеешь, что мне
на хранение отдана?
Ты не жалеи: у тебя ведь я тоже одна.

ДЕБЮТ

«А ТЫ КТО?»
(рассказ)

Длинные кисти портьерной бахромы были приятными на ощупь, их гладкость и шелковая нежность притягивала пальцы. Вика лежала на полу во всем своем не пригодившемся блеске и наматывала на пальцы эти кисти. Потом начала заплетать их в косички, бесцельно и, что самое главное, уже бездумно. Цель, с утра такая близкая и осязаемая, истаяла бесследно, и думать об этом она уже не могла.

Как не могла и ходить по комнатам, и бросаться к телефону, проверяя, работает ли, как и стоять у окна, и вообще – ждать. Потому что ждать уже давно было нечего, но она ждала, отчаянно ждала... Его.

Лег был лучший, она поняла это с той самой секунды, когда увидела его на пороге школы – высокого, смеющегося, сильного, и влюбилась по уши мгновенно. Словно все, о чем грезилось в смутных мечтах, все, что копило в душе все недолгих и одиноких пятнадцать лет, выплеснулось и затопило ее с головой, так, что не хватало дыхания и каждый его взгляд останавливал ей сердце, которое потом судорожно билось, пытаясь достучаться до... до того, кто был недостижим, кто был не менее, чем небожитель для новенькой девочки, тихой, неприметной, но преданной. Преданной, как собака.

Впрочем, скоро она перестала быть неприметной, о ее преданности, о ее любви к старшекласснику и безусловному лидеру заговорили в школе, смеясь и издеваясь. Ей было все равно. До сегодняшнего утра она думала, что и Легу все равно: хотя он очень часто натянулся на ее обожающий и восхищенный взгляд, но только подмигивал, как подмигивал всем, и отворачивался равнодушно... И вот вчера спросил: «Говорят, ты любишь балет?» Ответа не дождался, усмехнулся и ушел к друзьям, словно ее,

торчащей за его спиной, не существовало. А когда он позвонил сегодня утром и пригласил на этот балет... Она стала Одиллией, она летала и порхала, музыка звучала в ушах, и, казалось уже, она будет звучать всегда!

И вот прошли и часы приготовления, и часы ожидания звонка (ну, вот сейчас!), и потом (ну, мы же опоздаем...), и (опоздали, ну и пусть!), и (наверное, с ним что-то случилось...), и наконец, это недоуменное: «как же так...»

А никак. Вот теперь уж точно – никак. И это мамино платье, узкое и черное, и уложенные в великолепную корону косы, и нитка жемчуга, выпрошенная у соседки, и старательный макияж, и ее сердце, не способное более вместить ни капли тревоги, боли и отчаяния – все это никак, ни к чему, ни зачем...

Били часы. Десять, одиннадцать? – она сбилась со счета. В комнате уже давно потемнело, тусклый фонарь освещал лишь контуры предметов – диван, на который не было сил ни сесть, ни лечь, край стола, на котором валялась мамина выходная сумочка, и весь этот день, наполненный радостным ожиданием счастья, ставший прозрачным и мутным отражением надежды...

Наверное, если бы мама не была на дежурстве в своей хирургии, Вика бы бро-

силась ей на шею, плакала бы и рассказала бы ей все-все, все, до последней тайны, до крошечного закоулка... И мама, милая, добрая мама, вырезала бы ей эту невыносимую любовь, как вырезает опухоли, спасая кому-то жизнь. И спасла бы Вика от этой пустоты, от бессилия, которое еще немного, и превратится в тоску, от которой Вика станет выть, выть, как воеет преданная собака вслед улетающему на серебристой птице хозяину...

Наконец Вика поднялась. Ничего не будет, и теперь надо хотя бы переодеться, умыться... и что там она делает обычно, ложась спать? А как она заснет? «Таблетки! – молнией пронеслось в мозгу. – Спасение!»

Но надо снять платье, это мамино выходное, пусть останется неиспорченным. Вика вошла в спальню, щелкнула выключателем, повернулась, и... отшатнулась от большого зеркала, увидев в нем себя, незнакомую в этом платье, высокую на шпильках, взрослую в этой темной короне, безумную в своем «ничто». Отшатнулась, и упала на ковер, подвернув ногу. Упала неловко, ушибла локоть, и шов треснул на платье, сделав длинный разрез еще бесконечнее, и саму Вика – еще более жалкой... Как воздушный шарик, лопнувший, и затоптаный после праздника...

«Праздник...праздник...праздник! Какая

же я дура!» И она начала смеяться, вздохнув, а потом и навзрыд. Она смеялась долго, и тогда, когда снимала порванный наряд, и когда ставила в коробку туфли, и когда старательно доставала из волос многочисленные шпильки, разбрасывая их где попало.

Звонок раздался без пяти двенадцать, и она подошла к трубке, понимая, кто звонит и зачем. Некоторое время постояла рядом, одной рукой ковыряясь в густых волосах и ища последнюю шпильку, другую положив на трубку. Поднять? Не поднять? А поднять! – Алле?

– Привет! Ты меня еще ждешь там?

Голос, полный притворной заботливости, не скрывал смешочки кого-то там, на том конце провода...

– Так ждешь?

И спокойно, почти сонно, почти недоуменно, она произнесла в ответ:

– А ты кто?

Пауза была длинной и не менее недоуменной. Впрочем, молчания не слушали. Вика спокойно положила трубку, взяла лежащий рядом красный маркер, и написала на листке отрывного календаря: «Никогда больше». Записи ей понравилась – красивая, четкая и точная: больше – никогда.

Потом оторвала листок, и пошла спать, положила его под подушку. Она была уверена, Лег ей не приснится, потому что больше – никогда.

Часы отсчитали двенадцать. Второе апреля отпихнуло первое, а потом влипло тому пощечину, проведив сквозь зубы: «Никогда больше!»

Елена Шульгина,
член литературного
объединения «Парус»,
г. Ейск

ДЕБЮТ

Памяти моего отца
Папкова Владимира Ивановича
посвящается.

РАЗГОВОР ИЗ ДЕТСТВА

Солнце поднималось все выше и выше. Тень, которую давали заросли камыша, сжималась и уходила в сторону. На глянцевои поверхности воды, затерявшись в отражении облаков, неподвижно застыли несколько самодельных, изготовленных из гусиных перьев, поплавков. Клев почти прекратился. Но два рыбака, сидевших в лодке, плотный седоволосый мужчина лет шестидесяти пяти и худенький мальчик лет двенадцати, продолжали пристально следить за поплавками. Становилось жарко. Мальчик уже давно сбросил с себя всю одежду. На нем остались вылинявшие от солнца и многочисленных стирок когда-то синие трусики. Мужчина, несмотря на жару, так и оставался сидеть в голубой рубашке с коротким рукавом и в черных хорошо отглаженных брюках.

В полтора метра от лодки из воды сыпанула в разные стороны стайка маленьких серебристых рыбок.

– Окунь гоняет, – проговорил мужчина. Мальчик незамедлительно перебрал удочку поближе к тому месту, где только что мальки спасались бегством от речного хищника. И это принесло свой результат, поплавок вдруг дернулся и стремительно ушел под воду. Вскоре в руках у мальчика, растопырив плавники, оказался небольшой красноватый окуnek. Мальчик наклонился через борт, приподнял садок, в котором сразу забилась десятка два карасей и несколько сазанчиков. Выпустив в садок окунька, он вновь опустил его в воду.

– Ну, что, сынок, – ласково спросил мужчина, – на жареху нам хватит, может, домой пора?

– Пап, давай еще чуть-чуть посидим, – протянул мальчик, поправляя наживку, – лучше расскажи что-нибудь интересное, например про войну.

– Хорошо, согласился отец. Только знаешь, сыночек, война не бывает интересной. Война всегда страшная. Я хоть и не воевал, но я видел войну. В сорок первом немцы захватили Ригу в самом начале войны. Я как сейчас помню. Вот так же с удочкой ловил рыбу на Двине, а по мосту катились колонны немецких танков. Рядом со мной ловил рыбу старый немецкий полковник. Он воевал еще в ту Первую мировую войну. А сейчас, как и я, наблюдал за происходящим.

– Смотри, какая силлища прет, – заметил тогда я. И ты знаешь, что он мне ответил.

– Вольдемар, – сказал он, – я не кочу видеть, как они сейчас прут, я кочу видеть, как они назад попрут. Гитлер затеял авантюру. Россия, кроме армии, имеет еще громадную территорию, которую нужно захватить и удерживать. Очень много больших и малых городов, сел, деревень. В каждом городе для установления власти и поддержания порядка нужно оставлять гарнизоны из боеспособных солдат. Чем дальше Германия продвигается вглубь России, тем больше войск необходимо будет оставить в тылу. Ослабляя при этом линию фронта. У Германии просто не хватит людских ресурсов до полной победы над Россией. Она обречена на поражение.

Но так думали далеко не все. Раздавались голоса, что Германия несет для латышского народа освобождение, свободу, культуру. На что частенько получали резонный ответ: «Латвия была уже пятьсот лет под немецким гнетом (имелся в виду ливонский орден). И много ли свободы и культуры это ей принесло».

– Пап, – не утерпел мальчик, ему очень хотелось блеснуть перед отцом своими познаниями истории, – действительно, о какой свободе они могли говорить. Нам по истории рассказывали, что народ Латвии добровольно в 1940 году вошел в состав Советского Союза.

– Правильно, сынок, – рассмеялся отец, нежно глядя на сына своими удивительно голубыми, цвета небесной синевы, глазами, – учи, сынок, все, чему в школе учат, а для себя можешь просто подумать. Вот

как ты понимаешь добровольно? До войны Латвия была независимой буржуазной республикой. Народ жил довольно хорошо. У нас, например, с братом была своя столярная мастерская. Мы занимались мебелью.

Работали только по красному дереву. Почти всю работу выполняли вручную. Две недели у нас уходило чтобы сделать красивый ореховый шкаф. Стоил он где-то 40 лат. За 4 лата на базаре можно было хорошего барана купить. Так что нужны мы ни в чем не знали. Поэтому работали только зимой. Летом мы отдыхали на возморе. Выезжали за границу. Тогда в Латвии это приветствовалось. 50% стоимости любой поездки оплачивало государство. При этом нам давали приказ: «Чтобы смотрели, как люди живут. Перенимали и внедряли у себя все самое передовое, самое лучшее». Так что я исколесил всю Европу. Побывал в Швеции, Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Италии, Хорватии, Румынии. Видел много интересного. В Румынии мне, правда, не понравилось. Грязь, нищета. До войны они очень плохо жили, питались практически одной мамалыгой.

– Пап, а что это за еда – мамалыга?

– Это каша такая, ее из кукурузной крупы варят. Погоди, сыночек, кажется клюет, – заметил отец. Поплавок действительно мелко затрогал и плавно двинулся в сторону камышей. Отец ловко подсек и вскоре садок был пополнен еще одним карасем.

– Пап, ну ты мне так и не рассказал, как Латвия вошла в состав Советского Союза, – снова спросил ребенок.

– Как это было, – отец за минуту задумался. Зачем-то вытащил одну из удочек, посмотрел на наживку и вновь забросил ее в воду.

– Советский Союз просто ввел свои войска в Прибалтику. В то время президентом Латвии был Ульманис. Так вот, он выступал по радио с обращением к армии и народу. Просил армию не открывать огня, иначе будут бесчисленные и бессмысленные жертвы. Латвия не могла противостоять более сильному восточному соседу. Так что обошлось практически без кровопролития. Единственное, тем, кто был побогаче, пришлось бежать, а кто не успел, тех погрузили в эшелоны и увезли. Вот и все присоединение.

– Пап, а что было после того, как немцы захватили Ригу.

– Когда немцы вошли в город, то многие из тех, кто бежали от советской власти, начали возвращаться. Напротив нашего дома был магазин, хозяин его сбежал в сороковом году, но после прихода немцев он вновь объявился. Опять открыл магазин и начал торговать. А затем, спустя какое-то время, новая власть вывесила над магазином плакат. На нем крупными буквами цитировалась выдержка из книги Адольфа Гитлера «Мет катрг». Так вот она гласила: «Эта война уничтожит до последнего славянина». На следующее утро магазин был вновь на замке. Хозяин и его несколько сыновей исчезли. Ходили слухи, что они присоединились к подполью. Хозяин магазина был русским.

А немцы начинали формировать из латышской части и отправлять их на Ленинградский фронт под Ладогу. Первое время мне удавалось скрываться у младшей сестры Марии. Но кто-то из соседей прознал про это и поспешил сообщить в комендатуру. Приехали немцы. Забрали меня. Привезли на призывной пункт. Начали проверять воинскую подготовку. Дали автомат. Указали мишень. Стреляй. Я сделал вид, что оружия никогда в руках не держал. Глаза зажмурил. Автомат в сторону. Выпустил очередь прямо у ног проверяющего. Кончилось тем, что как солдат для вермахта я не подошел, чему и был несказанно рад. Хотя когда я служил в латышской армии с 28 по 29 год, носил два

аксельбанта за отличную стрельбу. Зеленый и коричневый. Один за стрельбу из пулемета, другой за стрельбу из винтовки.

– Пап, а что такое аксельбант?

– Это, сыночек, лента, которая носилась через плечо, ею в латышской армии награждали самых лучших стрелков. А стрелял я, действительно, неплохо. Но, чтобы избежать призыва в немецкую армию, пришлось прибегнуть к этой небольшой хитрости. Но это не значит, что немцы отпустили меня вольно. Гоняли меня на различные работы. Несколько раз я пытался бежать. Но меня снова и снова ловили. Остался жив лишь благодаря хорошему знанию немецкого языка. Вижу, немцы сердитые злые, того и гляди пристрелят. Начинаю что-нибудь объяснять им по-немецки. Глядишь, отношение ко мне сразу меняется. Они же пришли варваров покорять. А тут с ними на родном языке свободно общаются.

– Пап, ты вот много языков знаешь, как ты все их учил?

– Сынок, у меня в жизни так сложилось. Родился я в Польше, мать полячка, отец русский. Первым моим языком был, конечно, мамин язык – польский, второй – папин, русский. В 1914 году, когда началась первая мировая война, наша семья перебралась в Прибалтику. Рос среди латышей, литовцев, эстонцев. Выучил и их языки. Немецкий язык в Прибалтике использовался где-то на уровне с русским языком. Тем более нам его в школе хорошо преподавали. Так что я им овладел в совершенстве. А когда ездил по Европе, побывал во многих странах, заметил, что все языки в какой-то мере пересекаются. Чем больше знаешь языков, тем легче учить новые. И еще языки учатся легко, когда ты на них общаешься.

– Пап, ну от немцев тебе все-таки удалось сбежать?

– Да, но это было гораздо позже. После третьего неудачного побега мне выдали немецкую форму. И с такими же штрафниками, как я, нас под охраной из автоматчиков заставляли работать на нейтральной полосе, где мы натягивали и восстанавливали целые километры рядов колючей проволоки. Одно утешало: русские снайпера в нас не стрелялись. А вот без охраны мы частенько оставались. Я не раз был свидетелем, как немцы, получившие приказ сопровождать нас, прощались друг с другом. Вот их-то снайпера никогда не щадили.

– Пап, ну а когда вы одни оставались, без охраны, неужели нельзя было убежать от немцев?

– Ты думаешь, сынок, нам бы этого не хотелось, окопы-то русские, вот они, рукой подать. Кричим: «Ребята, к вам можно?» Отвечают: «Приказ стрелять в каждого, кто попытается приблизиться к окопам». Мы разворачиваемся и строим возвращаемся к немцам. А линию фронта я смог перейти только в сорок четвертом, в районе Курляндского котла. Страшное там сражение было. Я перебирался через целые завалы непогребенных, вздувшихся трупов. Вот в фильмах нам часто показывают трусоватых немцев. Но это не так, немцы отличные воины. В отличии от русских, которые защищали Родину, немцы просто выполняли полученные приказы. Но так же, как и советские солдаты, часто ценой собственной жизни. В Курляндском котле я видел, как лежали солдаты: лежит русский солдат, поперек немец, сверху опять русский. Никто никому не хотел уступать. Так и остались лежать непогребенные вперемешку друг с другом.

– Пап, ты перешел через Курляндский котел. А что было дальше?

– Дальше, сынок, было не менее страшное. Дальше была Колыма. Десять тысяч человек составлял наш этап, когда мы прибыли туда на так называемое вольное поселение. Через год нас живых оставалось девятьсот одиннадцать человек. Смогли выжить лишь самые сильные, самые здоро-

вые. Хлеб по карточкам, цинга, морозы до минус шестидесяти градусов. В тайге слышны выстрелы. Это мороз буквально разрывает деревья. Мы работаем, валим лес. Сучья обрубуем и стаскиваем в костер. Вечером костер разгребаем и ставим на это место палатку. Земля оттаивает, немного нагревается. В палатке гораздо теплее, чем если бы ее сразу поставили на снег. Но по утрам все равно трудно подняться, потому что волосы просто-напросто примерзают к земле. Но еще страшнее мороза – это недоедание. Карточная система. Если человек не выполняет нормы выработки, хлебный паек урезают. Человек ослабевает и опять не может выполнить норму выработки, хлебный паек снова урезают, и так до того момента, когда человек просто уже не в силах подняться. Быстро вымирали заядлые курильщики. Это люди, которые часть своего хлеба меняли на табак. А без хлеба человек слабеет и вскоре уже не может выполнять нормы. И хлебный паек начинают урезать. Очень сильно донимала цинга. Кровоточили десны, выпадали зубы. Стараясь избежать ее, пили хвойный отвар. Летом было немного полегче. Ходили по медвежьим тропам и брали ягоду.

– Пап, а самих медведей ты видел в тайге?

– Конечно, сынок. Летом медведь сытый, он человека не трогает. Идешь по тропе, медведь навстречу двигается. Увидит человека, сойдет с тропы, обойдет и дальше по своим делам отправляется. Страшнее всего, сыночек, это – человек. Очень много заключенных бежало тогда из лагерей. Убегают и неделями кружат по тайге. Без компаса, без провизии, худые, изможденные, злые. Вот они-то запросто могли сожрать.

– Пап, а ты их встречал?

– Тут, сыночек, как выходило: или я убью, или меня убьют. По-другому никак нельзя было. Время, сынок, такое было. Страшное время. Десять лет прошло, прежде чем передо мной извинились. Выдали мне все документы и отпустили домой. Только возвращаться мне было уже некуда. Меня давно никто не ждал. Кончилось тем, что я завербовался в Костромскую область на лесоразработки, где и встретил вашу маму. Потом и вы у меня появились. Так что дальше рассказывать нечего. Да и дома нас уже ждали.

Вскоре отец и сын шагали по лугу по едва заметной заросшей травой тропинке. В воздухе стоял удивительный аромат мяты, донника, клевера и еще каких-то неизвестных мальчику трав. Он шел следом за отцом и думал: «Почему в нашей Советской стране, где все делается для того, чтобы люди с каждым годом жили все лучше и лучше, могло произойти такое?» Ему было немножко обидно. Ведь его папа самый лучший, самый сильный. Ведь он сам видел, как папа руками перекручивает подкову, сгибает пальцами пятикопеечную монету, а однажды как-то подозвал его вместе с братьями Сашкой и Колькой и говорит: «Смотрите, сынки, такого вы все равно больше никогда не увидите». Затем взял гвоздь-стодвадцатку и молоток. Подошел к акации. Забил гвоздь, чуть-ли не по самую шляпку. Потом захватил его между средним и указательным пальцем и начал вытаскивать, наворачивая его себе на палец. Да такого никто еще, наверное, не видел. Ни один пацан не может таким похвастать. Его папа просто обязан быть героем. А он даже не воевал. Мальчик еще не понимал, что герои бывают не только на войне. Иногда чтобы прожить жизнь, не измарав руки подлостью и предательством, в нечеловеческих условиях сохранить в себе облик человека, не выстудить душу на лютот морозе людского цинизма и безразличия к судьбам окружающих, нужно быть гораздо больше, чем просто героем.

Мальчик не понимал. Он еще только приоткрывал дверь в этот не всегда справедливыи мир.

Вячеслав Папков,
член литературного
объединения «Парус»,
г. Ейск

Кубанские казаки на Krasnaya street

Лариса Новосельская,
член Союза российских писателей

(Продолжение. Начало в № 3, 2012 г.)

3. Вишневый сад теперь продан

Жил-был один идеалист. Захотел он внедрить в жизнь завет классика про то, что красота спасет мир. Поездил по Европам, убедился в том, что по части эстетики и жизненных удобств там все давно схвачено, поэтому решил на своей земле (не будем уточнять, как она ему досталась, уж точно не по наследству) не просто мотыжить чернозем, а сажать деревья, рыть пруды, разводить рыбу и выращивать розы.

Первый и последний шаг, сделанный им, до сих пор спасает если не мир, то тысячи утомленных путников,двигающихся по голой, лишенной всякой растительности (а ведь совсем недавно стояли здесь могучие тополя!) трассе «Дон», в сторону Черного моря. Заводь с цветущими лотосами посреди раскаленной степи – разве не чудо? Разве не первый шаг к спасению мира?

Спасибо тебе, идеалист! Ты пал смертью храбрых, как и сотни других латифундистов, то ли при «охлаждении», то ли при «разогреве» бизнеса, но, пока на твоей бывшей земле будут цвести лотосы, душа твоя наверняка будет покойна! Ведь теперь, в циничные «минусовые» годы, идеалистов почти не осталось. Все облаченные бизнесом ли, административным ресурсом ли, торопятся урвать – из скважины или плодородной земли, не важно. Урвать и отправить на безопасное от России расстояние. После нас – хоть потоп, хоть трава не расти... далее по тексту.

Едешь мимо раскаленных солнцем арбузных плантаций и видишь такую картину: вдоль дорог высятся горы, нет, целые отвалы, повыше шахтовых, отработанной полиэтиленовой пленки. Корейцы, но не северные или южные, а кубанские – самый трудолюбивый в здешних краях народ, – как муравьи, дружно собирают урожай. Но они на этой земле не хозяева, ведь даже с колхозниками, в свое время урезанными в правах, нынешних сельскохозяйственных рабочих сравнивать некорректно... С ними и заговаривать бесполезно: молчат, как безъязыкие рабы.

– Чья земля?

– ...

– Маркиза Карабаса?

– ...

Молчание. Вишневый сад, то есть земля, на которой почти поголовно было задействовано население Кубани, продана. И перепродана. И так еще много-много раз. Кое-какие упрямцы из «старорежимных» еще держатся за свои паи, но получают на них едва ли больше, чем колхозники на трудодни: мешок муки, бутылка масла, немного корма для своих «курей». Подсобное хозяйство держать, как в конце концов выяснила наша Аннетта, – даже не навар от яиц, а прямой убыток.

Бабушки по привычке ползают по своим огородам, а ни детям, ни внукам тяпку уже не всучишь. Они картошку в супермаркете «Магнит» покупают, благо наш земляк, магнат Галицкий, такую густую сеть этих магазинов по всему югу раскинул, что французский «Карфур» с полгода в Краснодаре покрутился да и утерся!

Кубанское село считается, по российским меркам, благополучным, но и над ним нависает опасность. Без колхозов стало некому открывать детские сады и школы, предоставлять льготы врачам и учителям. Тысячи молодых и не очень станичников крутятся на заработках в городе: подсобники, охранники, извозчики, сторожа... Кто живет на расстоянии 30–50 километров от Краснодара, ездит туда на работу каждый день – трасса «Дон» полностью забита и превращается в неразрешимую проблему. «Дальние» неделю ютятся на квартирах и экономят каждую копейку, чтобы на выходных отвезти семью.

Закубанские станицы всегда были беднее и малочисленнее прикубанских. Но при советской власти и жили, и развивались. В станице Мартанской был совхоз по выращиванию табака, который упорно пытался выжить и в девяностые, и даже в «нулевые»... Недавно он был продан с молотка московскому собственнику, потом перепродан... Теперь бывшие совхозные поля и выгоны обозначены колючей проволокой и напоминают старую Англию времен огораживания. Сдается мне, что эта возня за ширмой –

становление типичного государства-корпорации, для эффективного обслуживания которого отбирается горстка людей, а остальные лишаются средств к существованию.

Такая вот картина. Хотя по телеканалам показывают другие сказки, в том числе классический лубок «Кубанские казаки», который неожиданно вписался в современность.

Что ж... Гламур – одна из самых эффективных новых политтехнологий – лишний раз подтверждает, что новое – это хорошо забытое старое. Ни для кого не секрет, что в «миллионе тонн кубанского риса», о котором первый секретарь Краснодарского крайкома С. Ф. Медунов в свое время отчитался перед Политбюро ЦК КПСС, есть немалая доля и... узбекского урожая. В обмен на рис в азиатскую республику было отправлено подсолнечное масло – и скажите, кто пострадал от этого маленького обмана? Зато ордена получили многие...

4. «Помидор» по-адыгейски – «барыш»

– Как по-адыгейски «фотография»?

– Пахош.

– А «цветная фотография»?

– Савсэм пахош.

– А «коммунизм»?

– Мираш!

Специфическое звучание адыгейского языка (обилие глухих согласных и недостаток гласных) дало почву для пародийного «словаря», который знаком всем обывателям Краснодара, чей пригород поселок Яблоновский де-юре относится к Адыгее.

В советские времена Адыгею называли (не в газетах, конечно) Помидорной республикой, потому что и коллективные хозяйства, и частники были заточены на выращивании этого солнцелюбивого овоща (в уже упомянутом легендарном словаре «помидор» по-адыгейски звучит как «барыш»).

Бывало, едешь к Черному морю и хочешь не хочешь, а купишь ведерко «бычьего сердца» – адыгейские базары тянутся по трассе до самой Джубги – и потом, сидя где-нибудь у костерка возле палатки под яркими августовскими звездами, с наслаждением высасываешь сладкий сок, закусывая сочной мякотью... Теперь и костерка не разведешь – почему-то тут же все вокруг загорается; и палатку поставить негде – на побережье не осталось ни клочка «народного» берега...

Базары на первый взгляд держатся. Варенья, соленья, грибочки, орешки, надувные утята, маски, ласты, трубки, помидоры... Вот тут – стоп. При ближайшем рассмотрении помидоры оказываются подозрительно одинаковыми, подозрительно ровными и подозрительно круглыми. А что вон там, за машинами, стоит? Коробки? А что на них написано? Не разобрать? Нерусский язык не знаете? Ну хоть помидор-то на картинке узнаете? Нет, не наш это помидор, не местный, это правда. Но попробуйте эту правду выложить продавцам – такой скандал поднимут, ног не унесете!

Прошлой зимой на рынки Краснодара был завезен картофель из Египта – свой оказался в дефиците, а значит, дороже. Но местные обыватели выражали крайнюю степень озабоченности не этим, мягко говоря, позором для черноземной стороны, а тем, как развиваются события в Африке: «Что творят, а? Хорошо, что у нас все стабильно!».

У москвичей и питерцев, летних гостей Краснодара, глаза на лоб лезут при виде краснодарских цен на виноград – 100 рз за килограмм. «Да у нас молдавского по тридцатнику все лето – завались!» Ну, это они еще до Сочи или детской всесоюзной здравницы Анапы не доехали. Вот там цены так ценны! Из-за них многие северяне поворачивают оглобли в сторону Красного и Средиземного морей, хотя усилия «просветительских» программ, подобных «Скандалам, интригам, расследованиям», всей мощью обрушившихся на чужеземную, несоместимую с русским умом и сервисом систему «все включено», приносят свои плоды.

– За границу на отдых выезжают в основном одни и те же люди, – говорит директор туристической компании «Арготур». – Новеньких немного из-за пропаганды – страшилки про кровожадных акул и яды, подмешанные в напитки, останавливают многих. Но не тех, кто уже почувствовал разницу между Кемером и Архипо-Осыповкой.

– Мы с мужем год деньги откладываем, чтобы летом внука повезти в Шарм-эль-Шейх! – рассказывает предприниматель из Кореновска. – Дело не только в том, что Красно

е море – это огромный аквариум с удивительными кораллами и рыбами, а наше, Черное, еще древние греки называли «суровым». Просто кто узнал вкус булки, не станет грызть черствую корку. Это я о сервисе. Представьте себе картинку: пляж в Ново-Михайловке, высоченная гора неподъемных лежаков, а рядом – мужик с приклеенной к губе папиросой. «Что ты сидишь, расставь шезлонги по пляжу, как положено!» – подхожу я к нему. «Где это положено? – радуется он поводу затеять маленький победоносный скандалчик. – Вам надо, вы и берите, а я поставлен сюда за имуществом присматривать...» Лезем на гору, тащим вдвоем с малышом тяжеленную бандуру поближе к морю... И это только маленький эпизод из жизни отдыхающих. Если честно, я уже не надеюсь на перемены в отечественной туристической индустрии...

Писатель Сергей Шаргунов свою публикацию в «Огоньке», посвященную поездке в нежилую станицу Атамань, созданную специально для туристов, назвал «Сало в шоколаде». Хорошее название, точное. В Средней России появился праздник огурца, на юге – другое меню, главное, чтоб народ веселился; но никто из окружающих до сих пор не может мне объяснить, действительно гостей нового праздника угощали таким деликатесом или это метафора? Так или иначе, в фольклорном (читай: гламурном) быту имеют место картины залихватского казачьего веселья: и бутылки мутного самогона (на самом деле его сейчас очищают до хрустальной прозрачности, ведь он является солидной статьей дохода станичников), и кровавая колбаса, которой казаки давно «гребуют», предпочитая шашлык из свинины, купленный в готовом маринованном виде в супермаркете... Но вот в чем писатель точно ошибся – так это в том, что «синдром Куцевской» сидит на Кубани в каждом и не дает людям спокойно жить.

Кубанцы, пережившие раскулачивание, голод 1933 и 1947 годов, бесконечные запреты на подсобное хозяйство, когда налогом облагалось каждое яйцо из-под «индивидуальной» курицы, не бандитов боятся, а новых политических «загогулин», выбивающих людей из крестьянского ритма.

– Таких куцевских по всем нашим просторам – полным-полно, – считает другой куцевец, писатель Александр Мецгер, – стоит только соскрести с них позолоту...

Сейчас «мать беспредела русского» больше похожа на город, чем на «сельское поселение». Причем город-курорт: переливающийся огнями рекламы развлекательный центр, ледовый дворец, плавательный бассейн, цветные фонтаны... Кто-то скажет: замечательно. А по мне – все это опасно для общества, как и переизбыток красных дней в календаре, и бесконечное, беспричинное веселье...

Кто не любит отпуска и курорты? Но хочешь не хочешь, а отовсюду приходится возвращаться домой. И, чтобы дом не встретил рухнувшими потолками и зияющими окнами, надо больше трудиться, чем отдыхать. Кажется, прописная истина. Так в чем же дело? Почему на все лады нас убеждают в обратном? Почему отвращение к труду и любовь к развлечениям – чуть ли не стержень новой национальной идеи? И разве гламур, хоть и русский, способен объединить людей, придать их существованию цель и смысл?

5. Гвозди бы депать из этих людей!

...На другой конец света, в удивительный город Сеул, мы прилетели на день раньше запланированного. Или позже. Что-то не срослось по факсу, в результате чего мы стоим вдвоем в абсолютно чужом мире и чувствуем себя несчастными детсадовцами: всех разобрали родители, а нам, похоже, придется ночевать на казенных кроватках...

(Продолжение в стр. 7)

ПРОЗА

СПАСИБО

(новелла)

Маленькая цыганочка лет девяти в новом платьице, одетом на невымытое тельце, вертится у дверей магазина «Магнит» и просит у входящих и выходящих денежку. Поодаль на бетонном подкладыше под ларек сидят ее бабушка и старший брат, покуривают и поглядывают за ней. Им она носит добычу. Похоже, цыганочка сдает экзамен на умение цыганить. Я тоже иду в магазин.

– Дя, – дергает меня она за штанину, – дай пять рублей.

И сверлит меня снизу черными глазенками.

– Вот когда буду выходить из магазина и откроешь мне дверь, рубль дам, – говорю я.

– Тильки рупь?

– А как ты хотела? Деньги надо зарабатывать. Открывай дверь, и тебе будут платить, как швейцару в ресторане.

Побыл в магазине, выхожу. Дверь не открывает, но напоминает:

– Дя, ты рупь обещал дать.

– Так за открытую ж дверь, а ты работать не хочешь.

– А дэ вы бачили, шоб цыганы робылы? – сражает она меня взрослым умозаключением.

Я хохочу – ну, чавела, уела дядька.

– Ладно, за наглость и сообразительность, так и быть, держи рубль.

Она артистично протягивает ручку и пальчики, как коготки птички, цепко хватают монетку.

– А спасибо чего ж не говоришь?

– Дя, оцэ за рупь и «спасибо» казать?

Меня опять разбирает смех от ее непосредственной наглости. Говорю, сдерживаясь:

– А за сколько ж ты «спасибо» скажешь, за пять рублей?

Она кривит губки и качает головой.

– ...за десять?

Реакция та же.

– ...за пятьдесят?!

Степан Деревянко

Губки кривит, но головой не качает. Душает.

– Тогда за сто?!

– Да, за сто! Давай, дядько, сотню, скажу «спасибо».

Мне опять хочется рассмеяться, но тут уже не до смеха. О, черноглазая, цыганский детеныш! Однако решаю довести свой тест-торг до конца:

– А сотни-то у меня и нет, чавела, но рублик еще один имеется. За рубль, может, все-таки «спасибо» скажешь?

Она кривится, как после кислой ягоды, и выжимает из себя:

– Ладно, давай свий рупь, скажу.

МЕШОЧЕК
ПЯТАЧКОВ

(новелла)

Моя знакомая девочка-цыганочка заневестилась. У нее появился красивый костюмчик: юбочка, жилеточка из бежевой ткани, под ней черный тонкий свитерок, но самое главное – в ушах засверкали золотые сережки с рубинчиками. Они очень идут к ее черным искристым глазкам и по-детски непосредственной, хотя уже лукавой улыбке. В остальном она ничем не отличается от той пигалицы, что цыганила под магазином «Магнит» два года назад мелочь – даже росточку осталась цыплячьего, однако личиком стала чище и ножата в босолапках мытые. На невесту такое дитя никак не походит, но это по нашим, славянским меркам, а по цыганским – к одиннадцатилетним девочкам будущие женихи уже приглядываются. Маринка, так зовут цыганочку, зашла

попереди меня в своем красивом наряде в молочный магазин. В руке держала матерчатый мешочек с чем-то тяжелым.

– Теть Люд, – обратилась она к продавщице, – я тебе мелочь принесла.

– А ну ж показывай, что ты насобираала? Людмила запустила руку в мешочек и вытащила горсть блестящих пятак.

– Это никак то приданое, из-за которого от тебя женишок сбежал? – спрашивает она недоуменно девочку.

– Ага, – отвечает просто, без сожаления Маринка. – Дай мне сто рублей и забери мелочь.

– Так тут может и больше, чем на сто рублей.

И Людмила ставит мешочек на весы.

– О, почти три килограмма! Должно быть больше, чем на сотню, – говорит она.

В магазине кроме нас троих никого больше нет и я, видя, что Людмиле не хочется возиться с пятаками – их для нее будет проблематично сбить, вмешиваюсь:

– Маринка, а ты их в банк отнеси, вон он – через дорогу. Там твои пятачки примут, за них дадут бумажную деньгу.

– Дя, дай ты сто рублей, а мелочь забери, – обращается ко мне девочка, а у самой в глазах уже почти слезы.

У меня заминка: жаль девочку, но и потакать не хочется – трудов-то, через дорогу перейти.

– Ну дэ... – повторяет она.

– Нет, чавела, – отвечаю я. – Ты уже большая, сумеешь сдать.

Девочка начинает плакать. Глядит то на Людмилу, то на меня – не хнычет, но слезки-ропинки покатались.

– Маринка, давай вместе сходим, сдадим твой капитал, – не выдерживаю я.

Она ничего не говорит, а выходит из магазина и бросает мешочек в урну против дверей. И уходит.

– Вот упрямая! – в сердцах произносит

Людмила, идет за мешочком и добавляет: – Не хотелось мне с ними возиться. Десюльки – те люди берут на сдачу, а эти швыряют под ноги и ругаются. Вот она и насобираала их по магазинам. Ладно, распахую как-нибудь, а ей на приданое отдам крупные.

– Неужто и вправду замуж такую возьмут, от горшка ж два вершка? – спрашиваю Людмилу.

Я знаю, что она жалеет цыганочку, подкармливает, и они вроде как подружки. У девочки в этом году померла бабушка, а отец с матерью сидят за наркотики, остались они вдвоем со старшим братом. Тот сам подросток, металлолом собирает, им и кормятся. Живут в старой хатке, такой, что если громко чихнуть – завалится.

– Рассказывала, – говорит Людмила про девочку, – что приезжали к ней цыгане аж из Ростовской области. С цыганчуком, смотреть ее, помолвка это вроде называется. Спрашивали за приданое, а она им и вынесла этот мешочек. Дите ж! Так обсмеяли и уехали. А где ей взять приданое, коль она сирота при живых родителях? Юбочку и жилетку ей из остатков сшила Верка, соседка-портниха. Сережки в ушах материны. А родни близкой у них с братом нет. Цыгане, конечно, детей не забывают, но цыгане теперь тоже другие стали. Время такое – бедным людям всем плохо. А девочку жалко...

– Да, – согласился я. – Однако приданое, какое б оно ни было, приготовила сама. И женой, бог даст, хорошей будет. Из тех, кто в детстве горе мыкал, чаще всего хорошие люди вырастают.

– Кто его знает, как оно будет. Придут из тюрьмы родители, видно станет. Давайте отпущу вас, – говорит Людмила.

Она подает мне творог и высыпает на прилавок пятачки. Других покупателей пока нет, и она сноровисто швыряет в ладонь с прилавка мелочь – считает. Откидывает на старых счетах костяшку, подымает на меня глаза и произносит:

– Вот оно – блестящее цыганское счастье. А есть ли вообще оно?

И опять пятачки летят ей в ладонь. Цок, цок, цокает Маринкино счастье.

Кубанские казаки на Krasnaya street

(Окончание. Начало на стр. 6)

Да если бы на казенных! Все-таки Восток есть Восток, мало ли что... Взяв себя в руки и покопавшись в бумажках, находим какой-то телефон, наугад звоним, и...

«Простите! Мы сейчас... К вам подойдут... Никуда из здания аэропорта не выходите!» – хозяйка так разволновалась, что мы растрогались и приготовились ждать хоть целую вечность. Вечность не вечность, но прошло часа три, пока запыхавшаяся Мик Сук, наш персональный гид, не усадила нас в машину и не повезла в отель. При всей восточной выдержке и хладнокровии она не удержалась, пожаловалась: «Когда вы позвонили, я была еще недалеко от аэропорта, везла туристку из Москвы. Узнав, что вы прилетели тем же рейсом и ждете, спросила ее, не возражает ли она вернуться и забрать русских.

– Возражаю! – твердо заявила дама. – Я не могу терять время, которое оплатила...

С тех пор прошло пять лет, но я почему-то все время вспоминаю об этом незначительном эпизоде. А ведь Азия обрушила на меня такую лавину красок и звуков, что подобная мелочь должна была утонуть в них и никогда не подниматься из глубин памяти... Но вот вспоминается – значит, задело. Как и одно верноподданническое заявление, вывешенное на двери краснодарского бутика в разгар запрета то ли кильки, то ли тюльки из Прибалтики: «Мы эстонцев не обслуживаем!».

Эх, какой же взрывной волной при виде этого листочка меня подняло!

Если тетю, бросившую своих на другом краю света, я вряд ли когда-нибудь встречу и выскажу ей все, что о ней думаю, то с бутиком разобралась в момент. Рванула дверь, влетела и с горящим взором накинута на невинную в интеллектуальном смысле девушку:

– Когда вы в последний раз видели в Краснодаре эстонца?

Наезд полоумной тетки был отражен самой ослепительной улыбкой из всех выработанных на тренинге. Я же, не став ничего объяснять, махнула рукой и выскочила из магазина...

У вас не сложилось впечатление, что в последнее время наша страна превратилась в Вавилонскую башню? Что мы все разговариваем на разных языках и, как ни стараемся,

понять друг друга не можем? Вот уже и толстый с тонким – закадычные друзья, обсуждавшие на хрущевской кухне свинцовые мерзости режима, встретились и разошлись во взглядах: «Меня сегодня политика не волнует, а кормит! А ты стала похожа на безумную старуху, которую милиция гоняет 31-го числа по Триумфальной площади!».

Вот уже и душечки всех сортов ехидно-мило удивляются: «Ой, чего это вы так разволновались о Ходорковском? Он что, ваш родственник?». Нравственная глухота, овладевшая массами, «паралич души» – что это за симптомы? Просто инстинкт самосохранения? Подобно осторожным лягушкам, обыватели притаились в болоте и ждут, чем дальше обернется действие – трагедией или фарсом?

Моя бабушка часто говорила: «Всех жалко». И вот когда в начале «нулевых» в народном фильме «Бумер» вдруг прозвучало тоскливым и безнадежным рефреном: «Никого не жалко, никого!» – закралась крамольная мысль: уж не поминальная ли это молитва по всему человеческому, слишком человеческому, что у нас с вами, в нашей бедной и, как говорят на Кубани, «невдалой» стране было?

Остается один вариант: «Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям, интеллигенты они или мужики, – в них сила, хотя их и мало. Несть праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука все подвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать бесспорный характер...». Это Чехов – мудрец на все времена.

Вот и в наше время, какие бы байки из склепа ни рассказывал телевизор, – цементируют общество, не позволяют (и не позволят!) ему развалиться хорошие люди, которых не так мало, как нам кажется.

Только один, самый свежий пример: краснодарец, инженер, бывший, конечно (кому сейчас нужны инженеры!), Валерий Стуков поддался на рекламу и доверил свои сбережения то ли «Белому голубю», то ли «Черному ворону». Мало того что сам попал, так еще уговорил вступить в пирамиду двоих самых близких друзей.

– Эка невидаль! – скажете вы. – Да таких пол-России... Рассказываю дальше: когда Валера с ужасом осознал, что поспособствовал афере, – он уехал из Краснодара.

– Этот фокус мало кто не проверил на своей шкуре в таком положении, – скажете вы.

И опять мимо! Потому что Валерий Сергеевич (немолод уже, пятьдесят четыре года стукнуло) пять лет горбатился на каких-то немислимых стройках в Сибири, недоедал, недосыпал, не видел родных и близких – а восемнадцать тысяч долларов, которые были, по его совету, отданы мошенникам, вернул друзьям до копейки!

Это как раз то, что нам сегодня надо: верить друг другу, верить друг в друга и... жить. Формат сегодняшнего российского бытия прекрасно определил Михаил Жванецкий: «Будем счастливы низу! Толя купит велосипед. Ира залатает крышу. Митька поймет математику».

И напоследок, если уж речь зашла о юмористах, расскажу о кубанском самородке, продолжателе «живаго великорусского словаря» В. С. Черномырдина, – мэре города Новороссийска Владимире Ильиче Синяговском, о котором даже оппозиционный сайт пишет, что «это единственный глава в истории города, о котором не говорит народ плохое, что что-то себе построил или присвоил».

«Ну и подхалимы!» – помнится, возмущилась я, увидев книжицу карманного формата с незамысловатым названием «В. Синяговский. Мысли вслух», изданную пресс-службой мэрии. Но уже после первой страницы сняла всякие обвинения и обрадовалась так, как будто среди экспонатов музея восковых фигур встретила живого человека.

«Вот как оценивать работу чиновника? – спрашивает на планерке Владимир Ильич подчиненных. – Работяга пришел на стройку, не перетаскал кучу кирпичей... Что он получит? Дырку от бублика! А чиновник пришел, ничего не сделал, зато натоптал, наплевал, накурил, бумагу туалетную украл... И ничего!»

«Главы сельских округов! Не прячьтесь за спиной главы района: вы уже четверых схарчевали!»

«Какие есть замечания, предложения, покаяния?»

«Нам нужен конкретный результат – ребенок, а не ор-газм!»

«Ты работаешь, но я пока не вижу искр из-под твоих копыт!»

А последний совет Владимира Ильича хотелось бы передать по всей вертикали власти – снизу доверху – и по всей горизонтали народа – от Москвы до самых до окраин: «Не позорьтесь! Не входите в историю с дурной репутацией!».

Во всех отделениях связи продолжается подписка на газету «Кубанский писатель»
Подписной индекс в каталоге Почта России 54713, цена подписки 104 руб. 40 коп.

НОВЫЕ ИМЕНА

Валентина Федорова
село Заречное

Доля

Кто я? Право, не знаю.
Только дума одна:
Мне Россия родная
Не на счастье дана.
Не на счастье, на долю.
В ранний утренний час
Шла Россия по полю
И увидела нас.
Обездоленных. Бедных.
Без лица. Без имен.
Уходящих бесследно,
В сопределье времен.
Посмотрела нестрога.
И услышан был вздох:
По нелегкой дороге
Вас послал ко мне Бог.
Никого не зову я,
Никого не гоню.
Только долю свою я
В руки вам отдаю.
А плоха ль, хороша ли –
То имею, что есть.
Не болела душа бы,
Да не плакала б честь.
Остальное приложат
Труд, Любовь и борьба.
Но скажу я Вам: «Все же,
Пожалейте себя».
Закачались березы.
Зашумела река.
И посыпали слезы

С поднебес облака.
Солнце нежно скосило
Свой задумчивый взгляд.
«Ах! Россия, Россия!
Сохрани своих чад».

Облака мои, Святославные!
Во миру одни
Мне оставлены.
Вы плывете вдаль,
Белогривые.
Мне бы с вами. Жаль,
Я бескрылая.

Мама

Так давно это было.
Осень поздняя ныла,
Темной ночью в окошко
Заглядывала.
И плясала по саду,
Своей участи рада,
И плевала в ограду
Холодом.
И металась, и выла,
И под ведьму косила,
И дождем серым мыла
Золото.
А за дальной горою,
Домик твой над рекою,
Свет в окно полосую
Тянется.
И, склонясь над листочком,
Мама в белом платочке,
Своей миленькой дочке
Кланяется.

Юрий Киселев
г. Славянск-на-Кубани

Махну до Сахалина или дальше,
До самых до Курильских островов,
Туда,туда,где всех на свете раньше
Встает рассвет над родиной ветров.

Там берега таинственно цепью,
Как пагоды,сквозь утреннюю мглу.
Откроются в таком великолепии.
Что будто чудо видишь наяву.

И солнце между сопок,словно бубен,
Качается над бездною звеня,
И грохотом прибоит скалы будит,
В прах рассыпаясь брызгами огня.

Мне часто-часто грезится край света,
Где рано начинается рассвет,
Там льды гуляют в море среди лета,
Покинув в водах Беринга ночлег.

Я уеду из этого дома,
В нем поселится кто-то другой
И под звуки вечернего звона
Будет таять простор голубой.

Будут звезды светиться и падать,
И качаться над лесом вдали,
Волновать чье-то сердце и память
Под тревожные думы земли.

Для кого-то в туманном рассвете
Запоздалая песнь соловья

Полетит в уходящее лето
Там, где в росах сияет заря.

Владимир Акулов
г. Краснодар

Русь поэтами богата

Русь поэтами богата!
В эту синь и цветъ
Есть кому у нас, ребята,
Песнями звенеть!

Их великий труд и Гений –
Наша сила, честь!
И крестьянский сын Есенин
В этом сонме есть.

Пусть беспутным величали,
Пусть таким и был,
Но до смертной до печали
Родину любил!

Он сложил небес просторы
И хрусталь росы –
В памятник нерукотворный
Не себе – Руси!

Русь поэтами богата.
В листопада медь
Есть кому у нас ребята
Песнями греметь!

И пока поем мы песни,
В радость или грусть,
Не умрет и не исчезнет
Золотая Русь!

ИСТОРИЯ В ИСТОРИЯХ

Анатолий Ильяхов

ОБМАНУТЬ ИМПЕРАТОРА

Наверно, почти каждому туристу, кто отправляется в долгожданное путешествие на шикарном круизном лайнере, ведомо скрытое чувство тревоги перед необузданной стихией Посейдона. Или хотя бы известны неприятные последствия банальной палубной качки. Пусть ему оправданием послужит обстоятельство, что от плавания на корабле отказывался даже китайский император Тай Цзун (626 – 649 гг.), хотя высокая должность Сына Неба обязывала его это совершать.

Императору Тай Цзуну понадобилось с трехсоттысячным войском достичь Корейского полуострова, чтобы завоевать государство Когур. Путь преграждало море, беспокойное в это время года. Впереди только вода, вода без края. Тай Цзун пал духом. Он был готов отказаться от военной затеи, но военачальники уговорили отложить свое решение на три месяца.

Когда срок вышел, императору сообщили, что один мудрец приглашает его к себе в дом. Тай Цзун был рад отвлечься, в тот же час направился со свитой. Но он не догадывался, что тот «дом» не был жилищем, а большим кораблем, который тотчас отправился в плавание. Правда, мудрец был настоящим. И берег моря не увидел император, так как тысячи искусно расположенных одноцветных полотнищ закрывали его от глаз! Повсюду на стенах в «доме» висели дорогие занавеси, на полу лежали ковры. Время для императора протекало незаметно, настолько приятны были ему беседы с мудрецом. Не забывал он с гостями пробовать бесконечно подаваемые блюда и напитки.

В какой-то миг императору показалось, что кубки и светильники слегка дрожали и качались, а он слышит со всех сторон свист ветра. Удивленный, он приказал слуге отдернуть занавеску.

– Где мы? – взволнованно спросил он, увидев вокруг безграничную морскую поверхность.

– Вся армия – воины, всадники и кони – погрузились на тысячу кораблей, которые вместе с императором движутся к Когуре – с поклоном пояснил один из советников. И тогда понял император, что факт свершился, и теперь только следует положиться на судьбу и богов.

Через три дня на море началось сильное волнение, и страх вновь поселился в сердце Тай Цзуна. В ужасе он стонал:

– Я отказываюсь продолжать этот поход! Корабли надо повернуть назад!

Один из генералов сказал ему:

– Мой император, рядом лежит место, где корабли могут бросить якорь. Там можно сойти на берег и переждать бури.

– Ну ладно, – согласился император.

И действительно вскоре оказался означенный город. Их встречали жители. Они бросились ниц перед Сыном Неба, а комендант препроводил в трехэтажный «Павильон Безветрия», внутри прекрасно и со вкусом обставленный. Полно мест для удобного ночлега. Здесь император окончательно успокоился и сказал генералам, что намерен переждать бурю столько дней, сколько потребуется.

Так и случилось, пока в комнату к императору не явился генерал. Он сказал, что... император со своим флотом уже прибыл на Корейский полуостров! Изумлению Тай Цзуна не было предела!

Оказывается, в тот день, когда император решил отказать от затеи воевать с государством Когур, генералы придумали стратегию, военную хитрость, под названием «Обмануть императора, чтобы он смог спокойно переплыть море». Для этого поручили втайне от императора заготовить много больших стволов деревьев. Наняли сотню плотников,

которым дали задание на пути следования императорского флота построить за три месяца огромный «плавающий город». Из бревен сплотили основание огромных размеров. Были возведены «крепостные стены», внутри соорудили несколько домов, проложили улицы. Сверху бревна покрыли песком и глиной, засадили травой и цветами. Посреди «города» возвели «Павильон Безветрия» в три этажа! Одно из войсковых подразделений играло роль горожан, встречавших императора, когда он вступил на означенный «берег».

Задуманная генералами стратегия удалась! Флот с армией и своим главнокомандующим достигли Когура, чтобы начать военные действия. Благодаря хорошо подготовленной декорации, император находился в покое, не страдал от качки, и в то же время совершил переправу через неприятную для него морскую преграду.

Мы привели этот занимательный случай еще и для того, чтобы наш современник, ошеломленный видом и мощью любого морского суперсовременного лайнера со всеми его мыслимыми и немислимыми удобствами и развлекательными мероприятиями для длительного путешествия, знал о том, что много веков назад человек уже умел строить нечто подобное и, возможно, еще лучше, дерзновеннее. Эту мысль подтверждаем историей об Архимеде, математике и механике, жившем в конце III в. до н.э. По заказу сиракузского тирана Гиерона он задумал и построил грандиозный по своему времени проект 12-палубного корабля на 60 кают длиной 140 метров! Команда с обслуживающим персоналом насчитывала шестьсот человек. Корабль предназначался «для развлечений и морского отдыха».

И были еще «корабли любви» императоров Калигулы и Нерона (I в. н.э.), «в десять рядов весел, с жемчужной кормой, с разноцветными парусами, с огромными купальнями, портиками, пиршественными покоями, даже с виноградниками и плодовыми садами всякого рода: пируя в них средь бела дня, он под музыку и пение плавал вдоль побережья Кампании»...

Но об этом в следующих выпусках газеты!

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России
Кубанский Писатель
Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС-14-0358 от 24 апреля 2006 г.
Учредитель – КРО СП России.
Издатель: ИП «Кириллица»
ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:
350065

г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11
E-mail: snmakarova@mail.ru
Электронная версия газеты на сайтах
www.sprosia.narod.ru
и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина
www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2

Заказ №2212
Подписано в печать
в 10.00, 17.04.2012 г.
Тираж: 1000 экземпляров
Цена свободная